

An illustration of a young boy and an elderly man standing in an autumn forest. The boy, on the left, has brown hair and is wearing a red sweater and blue pants. The man, on the right, has a white beard and hair, and is wearing a long brown coat. They are surrounded by trees with yellow and red leaves, and several leaves are falling around them.

Людмила Рэй

Маленький человек

Людмила Рэй

Маленький человек

<https://litres.ru/74524523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жил-был человек. И правда — самый обычный, неприметный: в толпе его не выделяли, в разговорах он чаще слушал, чем говорил, а на работе его ценили за то, что он всё делал тихо и точно, без лишней суеты.

Когда он был маленьким, мир казался ему огромным, но не пугающим — напротив, бесконечно добрым и щедрым.

Потом пришли большие беды. Он пережил эпидемии — сначала боялся за себя, потом за близких, потом просто устал бояться. Он узнал, каково это — стоять у больничной двери и ждать новостей, которые всё равно будут не теми, что хочется услышать. Он терял людей, которых считал родными, и с каждым разом пустота внутри становилась чуть глубже, а вера в справедливость — чуть тише.

Людмила Рэй

Маленький человек

Глава 1

«Листик на ветру»

Он жил в квартире, где тишина была роскошью, а спокойствие — редкостью. Дом всегда гудел от суеты: мама торопливо гремела кастрюлями, бабушка вздыхала над счетами, брат хлопал дверьми, будто хотел прогнать из комнаты самую тяжесть жизни. В этой суете он научился быть незаметным — тихо ставить тарелку в раковину, не просить лишнего, не мешать, когда взрослые снова начинали говорить друг с другом на повышенных тонах.

Семья жила небогато, и «не хватает» было привычным словом. Не хватало денег на новую обувь, на сладости, а иногда и на еду. Он научился ценить каждую крошку: если вдруг доставалось яблоко, он делил его на части, растягивал удовольствие, чтобы хватило на несколько дней. И всё равно старался делиться — не потому что хотел казаться хорошим, а потому что ему казалось: если ты отдаёшь хоть что-то, мир становится чуть менее холодным.

Родители ругались. Не из-за злости, а из-за усталости, из-за того, что жизнь давила на плечи, и им нужно было куда-то выпустить эту тяжесть. Он слышал их голоса за тонкой стеной и старался дышать тише, будто если он будет совсем незаметным, буря обойдёт его стороной. Но буря всё равно задевала — осколками слов, холодом молчания, тяжестью взглядов, в которых не было места для него.

Когда ему было восемь, мир рухнул в одну секунду. Папа умер от сердечного приступа — просто сел на стул, схватился за грудь и больше не смог встать. В тот день дом будто перестал дышать. Тишина стала другой — не уютной, а страшной, звенящей. И в этой тишине он вдруг понял, что мир не просто сложный, он ещё и хрупкий: всё, что ты любишь, может исчезнуть в один миг, и никакие «будь осторожнее» этого не остановят.

После этого в семье остались мама, брат, бабушка и он. Они по-прежнему ругались — иногда из-за пустяков, иногда из-за настоящей усталости и боли. Но в этих ссорах всегда оставалось что-то главное: они держались вместе. Если становилось совсем тяжело, бабушка наливала чай, ставила на стол всё, что было, и говорила: «Мы тут. Мы вместе». И этого хватало, чтобы не сломаться.

В школе всё стало ещё сложнее. Там, где дома он хотя бы знал правила, в классе правил не было. Его быстро сделали изгоем. Сначала это были мелкие насмешки: над его старой курткой, над тем, что он не умел громко смеяться, над тем, как он смотрел на мир — слишком внимательно, будто искал в нём что-то важное. Потом насмешки стали злее, а он — тише. Он научился не поднимать глаза, быстро проходить по коридору, не привлекать внимания. Но внимание всё рав-

но находили: он был удобной мишенью для чужой злости, «куклой» для издевательств, на которой можно было отыграть собственные обиды.

Однажды он пришёл домой с синяком на руке и сказал маме: «Я не хочу туда ходить». Мама тогда не стала кричать, не стала ругать учителей или детей. Она просто села рядом, взяла его руку и тихо сказала: «Мы найдём другое место». И они нашли. Перевели его в другую школу — не в лучшую, не в престижную, а просто в ту, где ему оказалось чуть спокойнее.

Там всё было иначе. Никто не смеялся над тем, что он приносит в класс сухие веточки и ставит их в банку. Никто не издевался, если он вдруг замирал у окна, чтобы посмотреть, как ветер крутит листья. В новой школе его не пытались переделать, не пытались сделать «как все». Его просто принимали — таким, какой он есть. И именно там он впервые понял, насколько разными бывают люди и ситуации: в одном месте тебя могут сломать просто за то, что ты другой, а в другом — просто дадут место, где можно быть собой.

Этот контраст стал для него чем-то вроде откровения. Мир оказался не чёрно-белым, а сотканным из тысяч оттенков: где-то жестокость пряталась за обыденностью, а где-то доброта жила в самых простых вещах — в том, что никто не отбирает у тебя твою банку с веточками, в том, что учитель кивает, когда ты говоришь: «Смотрите, как красиво падает лист».

С годами он становился старше, но не переставал замечать мелочи. Осень по-прежнему была его любимым временем: он замедлял шаг, чтобы успеть увидеть, как лист кружится в воздухе, будто не хочет расставаться с деревом. Он всё так же любил лужи, в которых отражается серое небо, — не за яркость, а за честность: небо было таким, какое оно есть, и лужа честно его показывала. Люди стали считать его замкнутым. Кто-то говорил: «Он какой-то странный», кто-то: «Просто тихий». Но он не был ни странным, ни просто тихим. Он был человеком, который слишком хорошо знал, как легко мир может стать холодным, и потому особенно бережно относился к тем маленьким островкам тепла, которые ещё оставались.

Иногда кто-нибудь спрашивал: «Как ты вообще умудряешься радоваться таким пустякам?» Он пожимал плечами и отвечал: «А вдруг это и есть самое важное?» Он не притворялся, что мир стал снова добрым, как в детстве. Он знал правду: мир бывает жестоким, несправедливым, пугающим. Но он также знал, что в нём по-прежнему есть место для красоты — в каждом листике, в каждой луже, в тихом моменте, когда ветер шевелит кроны деревьев.

И он продолжал жить — так же, как и в первый раз: с открытым сердцем, с надеждой, которая не кричала, а тихо светилась где-то глубоко внутри. Не потому, что не видел тьмы, а потому, что умел замечать свет даже там, где его почти не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.